

Анотація

Стаття присвячена феномену нуару в кінематографі й масовій літературі. Аналізуються витoki терміна, специфіка нуару як жанру і стилю, його жанрові конвенції, дебати стосовно інтерпретації нуару. Увага приділяється функціонуванню терміна нуар у сучасній українській критиці.

Ключові слова: масова література, кіно, нуар, детектив, жанр, стиль, формула.

Аннотация

Статья посвящена феномену нуара в кинематографе и массовой литературе. Проанализированы истоки термина, специфика нуара как жанра и стиля, его жанровые конвенции, дебаты по вопросу интерпретации нуара. Внимание уделено функционированию термина нуар в современной украинской критике.

Ключевые слова: массовая литература, кино, нуар, детектив, жанр, стиль, формула.

Summary

The article is devoted to the phenomenon of noir in cinema and popular fiction. The origins of the term, specific features of noir as genre and style, genre conventions and the debate on noir interpretation are analyzed. The attention is paid to the functioning of the term noir in contemporary Ukrainian literary criticism.

Keywords: popular fiction, cinema, noir, mystery, genre, style, formula.

УДК УДК 821.161.1:7.038.6

Костромицкий Р. И.,
кандидат филологических наук,
Бердянский государственный
педагогический университет

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ПРИРОДА ГЕРОЯ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА “СВЯЩЕННАЯ КНИГА ОБОРОТНЯ”

Исследование специфики постмодернистского героя позволяет более глубоко осознать динамику русской постмодернистской литературы. Особого внимания в этом отношении заслуживают работы А. Мережинской [6, 50–52], которая подробно анализирует модели героев, наиболее ярко представлены в русской литературе 80-90-х XX века. Исследовательница подчеркивает, что литература последних лет отмечена эволюцией постмодернистского героя: “Моделируется читательское восприятие целостного (а не дискретного, как было ранее) сознания, состоявшейся личности” [6, 60]. В произведениях представителей “позднего постмодернизма” исследовательница выделяет следующие наиболее яркие модифицированные модели героя современника: герой прозы “новой волны”, экзистенциальный человек, “герой времени”, “человек поколения” [6, 47]. Показательно, что три последние модели героя наиболее ярко реализованы в прозе В. Пелевина.

Особый интерес представляет исследование романа “Священная книга оборотня” И. Суриковой, которая высказывает два очень противоречивых, по нашему мнению, предположения относительно взаимоотношений оборотней А Хули и Саши. Литературовед утверждает, что в сюжете романа отражена очень важная для литературной жизни в царской и тоталитарной России схема взаимоотношений Царя и Художника. И. Сурикова замечает, что основной род деятельности А Хули –

проституція – “знаменитое свидание Пушкина с царем Николаем после восстания декабристов (после того разговора мятежный поэт гарантировал царю свою лояльность и эволюционировал в политических взглядах в сторону государственничества)” [11, 222]. Несостоятельность подобной трактовки видится в том, что в романе виртуальная проституция связывает героиню и бесхвостых обезьян, которые не могут соответствовать статусу Художника. Главных героев Сашу и А Хули связывает не проституция, а настоящее чувство любви (насколько оно может быть настоящим для литературы постмодернизма). Несостоятельность этой трактовки видится и в искаженной оценке взаимоотношений А. С. Пушкина и царя России.

Второе предположение исследовательницы, по нашему мнению, является справедливым. И. Сурикова считает, что лиса А Хули – это символ ума, а волк-оборотень воплощает человеческие инстинкты. Лиса живет в пространстве между двумя мирами: рациональным и миром мифа, образуя “ось, на которой вращаются оба эти мира” [11, 226].

В нашей статье представлена иная трактовка образов “Священной книги оборотня”. Прием, наиболее часто используемый В. Пелевиным в романах, основан на соединении в рамках одного произведения мира животных и человека. Обращение к зооморфным образам, направленное на поиски новых художественных стратегий в изображении человека, является актуальным для литературы русского постмодернизма. Как утверждает А. Генис: “Явление зверя в постсоветской культуре придает ей фантастический и мистический характер <...> ее авторы оказались в поисках симметрии: если раньше соцреализм изображал людей в виде полубогов, то теперь – в виде полузверей” [4, 212].

Роман “Священная книга оборотня” построен как дневник необычной лисы-оборотня по имени А Хули. Образ А Хули представляет собой своеобразную авторскую маску. Повествование в романе ведется от лица героини, излагающей авторские идеи относительно современных российских политических и философских проблем. Об особом характере отношения автора к образу рассказчика свидетельствует реплика самого В. Пелевина в единственном интервью о “Священной книге оборотня” газете “Известия”. Отвечая на вопросы журналистки Н. Кочетковой, писатель отметил: “<...> у меня действительно было сильное отождествление с героиней – вплоть до того, что несколько раз мне мерещилось, будто я стучу по клавишам лисьими лапами” [8]. Безусловно, слова писателя представляют интерес только как свидетельство постмодернистской игры с читателем в форме мистификации.

В то же время заслуживают внимания особенности организации повествования в романе. Н. Беляева утверждает, что такая авторская стратегия нарратологической организации (использование формы дневника, рукописи, записок) свидетельствует об обыгрывании В. Пелевиным “вторичности” постмодернизма [2, 73]. Соглашаясь с этим, добавим, что, используя форму дневника, писатель преследует еще одну художественную цель. В. Пелевин обыгрывает постмодернистскую метафору “смерти автора”. Дело в том, что в русской постмодернистской литературе эта идея не получила широкого распространения. На национальной почве она модифицируется. Об этом

свидетельствует пристальное внимание российских писателей-постмодернистов к “бессубстантивному” человеку, следствием чего является активизации в постмодернистской литературе таких жанровых форм, как: рукопись, воспоминания, биография, дневник. Именно над этой тенденцией следования литературной моде иронизирует писатель в романе, по своему обыгрывая постмодернистскую идею “смерти автора”. Отметим, что осмеяние писателями “несостоятельных” постмодернистских принципов и стратегий является одной из тенденций “позднего постмодернизма”.

“Необычное” имя главной героини А Хули является постмодернистской провокацией, построенной как своеобразный эпатажный вызов. “Ономастическую изобретательность” [5, 8] В. Пелевина отметила еще М. Репина, которая исследовала более ранние произведения писателя. А. Калещук справедливо полагает, что автор создает этот образ, используя широкий круг источников: “<...> в А Хули “мерцают” фольклорная сказочная лиса, лиса как персонаж восточной (китайской) мифологии, Адель (собачка у Булгакова), Ада, Лолита (Набоков), Алиса (“Алиса в стране чудес” Керолла), Алиса Ли (фильмы “Ночной Дозор”, “Дневной Дозор”)” [5, 231].

Одной из важных составляющих образа героини, на которой акцентирует внимание писатель, является ее способность к оборотничеству. Такой подход к созданию образа героя является традиционным для В. Пелевина. По этому поводу А. Вознесенский остроумно заметил: “Оборотничество, маскарад, двойничество, умножение смыслов и игра с ними – все это для писателя Пелевина и его мифологии вещи ключевые” [5]. Как известно, оборотничество заключается в способности человека превращаться в духа, животное или неодушевленный предмет. Ключевым для оборотничества является “магическая перемена облика персонажа” [3, 234].

Важным аспектом оборотничества является факт временности нахождения персонажа в превращенном виде и возврат к нормальному облику. Наделение человека способностью трансформировать свою внешность и природу восходит к первобытным формам мировоззрений, когда в соответствии с тотемическими представлениями посвященный мог превращаться в священное животное. В соответствии с мифологическими представлениями, существо, в которое трансформируется человек, зависит от культурной традиции того или иного народа. Чаще всего у европейцев – это волк или медведь, у народов востока – лиса, в Индии – тигр и т.д.

В романе В. Пелевин в изображении главных героев обращается к восточной и европейской фольклорным традициям: взаимоотношения волка-оборотня Саши и лисы-оборотня А Хули разворачиваются на фоне российской действительности. Выбор главных героев романа автор обосновал в своем интервью. По мнению В. Пелевина, волк и лиса – это персонажи, которые присутствуют в фольклоре многих народов, но наиболее ярко они репрезентованы именно в русском [8].

Мотив оборотничества соотносится с “архаической концепцией “взаимоборачиваемости” всех сторон и проявлений действительности” [7, 235], которая подчеркивает факт двойственной природы человека и Вселенной. Этот аспект чрезвычайно важен для В. Пелевина. Писатель в своих произведениях систематически обращается к различным приемам моделирования иллюзорности реальности. Одним

из способов является создание в романе героя-оборотня. Очень показательным в этом отношении видится предположение А. Балода: “Превращение живых существ из одного вида в другой – например, из человека в волка является хотя и примитивной, но очень впечатляющей и зрелищной формой взаимопроникновения, взаимозаменяемости, и, в известной степени иллюзорности” [1]. Оборотень связан с несколькими пространственно-временными измерениями. Таким образом, превращение главных героев дает писателю возможность соединить в “Священной книге оборотня” несколько миров, в пределах которых и развивается действие романа.

Центральный персонаж романа необычен – это волшебная лиса-оборотень, которая благодаря своей демонической природе способна перемещаться в двух измерениях и жить в мире людей, демонов, в облике животного и человека. При этом автор утверждает, что по своей природе различные измерения действительности имеют одну и ту же сущность, так как генерируются из небытия только благодаря феномену ума, которому “грезятся все эти миры” [9, 347].

Образу А Хули, как уже отмечалось, заимствован автором из китайской демонологии, согласно которой в облике оборотня (цзин) могло предстать “животное-долгожитель (лис, змея, крыса, тигр и др.)” [7, 235]. На свои китайские корни указывает сама А Хули в рассуждениях об этимологии собственной фамилии и имени.

Следует отметить, что для В. Пелевина при создании произведений традиционным является использование различных идей буддизма. Образ главной героини разработан автором в дзен-буддистском ключе. А Хули – это существо особой категории, обладающее умом, находящееся в состоянии постоянных поисков. Вся ее мыслительная деятельность направлена на поиски ответа на вопрос “что есть истина?”, который позволит ей постичь свою собственную природу, обрести свободу и освободится от цикличности перерождения.

В романе писатель указывает на то, что в культуре за многие века существования человечества накопилась масса концепций, претендующих на отражение истины. Поэтому для современного индивида, пытающегося прорваться к своему собственному Я, характерно ощущение растерянности из-за невозможности решить для себя важные философские вопросы. Тема несовершенства человеческого языка в функции выражения истины, намеченная автором еще в цикле, продолжает разрабатываться и в романе “Священная книга оборотня”. А Хули говорит о том, что все философские поиски индивида бесперспективны, поскольку мышление человека в своей основе опирается на язык и речь, а они не являются механизмами, адекватно отражающими истину: “Никаких философских проблем нет, есть только анфилада лингвистических тупиков, вызванных неспособностью языка отразить истину” [9, 260]. Героиня указывает на то, что истину нельзя понять. Индивид может приобщиться к ней только в результате особого настроения сознания, которое может возникнуть очень редко: “Это как картинка “magic eye” – хаотическое переплетение цветных линий и пятен, которое может превратиться в объемное изображение при правильной фокусировке взгляда” [9, 294].

Понимание истины, справедливость которой исследуется на протяжении всего романа, дается автором практически в начале текста, как бы невзначай, в одном из

эпизодических воспоминаний А Хули о жизни в Китае. Мысль, высеченная на боку золотого льва, который стоял у входа в храм, скрыто призывала к постижению самого себя: “Причина заблуждения живых существ в том, что они полагают, будто ложное можно отбросить, а истину можно постичь. Но когда постигаешь себя самого, ложное становится истинным, и нет никакой другой истины, которую надо постигать после этого” [9, 90]. Однако героиня не придает серьезного значения такому пути самосовершенствования, поэтому обречена блуждать в поисках спасительной идеи в мире людей и демонов, которыми населена российская действительность.

Практически в конце романа один из персонажей, монах Желтый Господин, открывает лисе тайну жизни и смерти. Он говорит, что жизнь может быть представлена в виде прогулки “по саду иллюзорных форм, которые кажутся реальными уму, не видящему своей природы” [9, 346]. В соответствии с концепцией Желтого Господина ум, находящийся в состоянии заблуждения, может оказаться в одном из шести возможных миров: божественном, демоническом, мире человека, мире животных, мире голодных духов, аду [9, 346]. Монах помогает лисе разобраться в загадке ее природы: “Считается, что иногда родившийся в мире демонов ум пугается его жестокости и уходит жить на его окраину, туда, где демоническая реальность соприкасается с миром людей и животных” [9, 347]. В основу картины, описанной Желтым Господином, положена проблема бегства от жизненных противоречий и от самой жизни. Лиса-оборотень изображается автором как существо, лишнее во всех мирах и не находящее себе места. Об этом героиня с грустью говорит во время диалога с монахом: “Сидим между трех стульев, и все от ужаса перед жизнью” [9, 347]. Героиня оказывается лишней как среди людей, так и среди подобных ей существ (сестры И Хули и Е Хули, оборотень Саша, Михалыч).

Автор, помещая А Хули в человеческий мир, наделяет ее необычными качествами, которые подчеркивают ее демоническую сущность. В. Пелевин говорит о том, что лиса способна жить на протяжении веков, а ее природа неизменна. Предназначение А Хули, живущей среди людей, в прохождении особого надмирного дао-пути и в дистанцировании от человеческой жизни [9, 60]. Однако для того, чтобы в общении с людьми ее необычная природа сохранилась в секрете, героиня вынуждена принимать особый облик, называемый самой А Хули рабочей личностью. Эта внешность “делает лису неотличимой от бесхвостой обезьяны” [9, 9]. В “Словаре символов” Д. Тресиддера дается указание на то, что этот образ чаще всего использовался для “высмеивания тщеславия и глупости” [12, 242].

Под бесхвостой обезьяной писатель подразумевает среднестатистического представителя человеческой расы, полностью поглощенного жизненной рутинной и не обременяющего свой ум мировоззренческими поисками. Поэтому личина, в которую облачается лиса, описана автором как “человеческий тип, с которым у среднего представителя текущей эпохи ассоциируется ее (лисы – К. Р.) внешность” [9, 9]. Писатель указывает на то, что способность лисы к мимикрии – ее оборотничество – заключается не только в возможности подбирать под свою природу подходящий “симулякр души” [9, 9], но и уподобляться человеку в ходе мыслей.

В человеческом мире А Хули занимается виртуальной проституцией. Созданный В. Пелевиным образ проститутки имеет несколько истоков в его раннем творчестве (“Чапаев и Пустота”, “Generation “П””). Выбор писателем именно такого вида деятельности для героини может быть объяснен ее необходимостью адаптироваться к реалиям действительности. Современность так описана сестрой И Хули: “С каждым годом все труднее сохранять identity и ощущать себя проституткой, с такой скоростью здесь проституруется все вокруг” [9, 163]. Представленный в романе “Священная книга оборотня” образ мира, в котором все построено на деньгах, и основное качество человека, живущего в этом мире, – “продаваемость”, сблизжают это произведение В. Пелевина с романом “Generation “П””. В конце этого романа писатель создает картину мира, которая строится на шатком равновесии. Главный герой – политтехнолог Вавилен Татарский становится виртуальным мужем богини Иштар. Его основной задачей является усыпление активности массового сознания средствами современных пиартехнологий. В соответствии с концепцией романа Татарский выступает той силой, которая не позволяет мифологическому псу, “спавшему” на территории России, проснуться. Тем самым он предотвращает финальное противостояние двух полярных начал, представленных в облике богини Иштар и пса с пятью лапами (символ смерти богини). Финал романа “Generation “П”” неутешителен: пока Татарскому удастся справиться со своей задачей, Россия оказывается во власти Иштар. Эта богиня месопотамской религии в романе В. Пелевина является воплощением идеи золота. В другой своей ипостаси она выступает “покровительницей проституток и питейных заведений” [7, 263]. Романы “Generation “П”” и “Священная книга оборотня” генетически тесно связаны. Один завершается, а второй начинается воссозданием похожей картины мира.

Род деятельности А Хули тесно связан с основной концепцией романа, согласно которой именно любовь позволит ей в конце произведения войти в Радужный поток, то есть в соответствии с идеями дзен-буддизма достичь просветления. Показательно, что согласно буддистским представлениям женщина-проститутка из-за особого психологического настроения, возникающего в связи с характером ее деятельности, могла пребывать в состоянии “не-сознания” [12], которое является необходимым условием для достижения просветления – сатори. Считалось, что, выполняя свои обязанности, женщина дистанцировалась от переживаний, связанных с бесконечной чередой связей и мыслей о внешнем мире, семье, детях. Тем самым она обретала возможность сосредоточиться на осознании своего места в этом мире и бренности земной жизни. Некоторые “жрицы любви” в силу своих моральных качеств приравнивались к бодхисатве. Е. Штейнер указывает, что известная в Китае гетера Эгути “наставляла в истине монахов, идентифицировалась с бодхисатвой Фуген (Самантабхандра)” [13].

В. Пелевин в романе воспроизводит необычные формы проституции героини. Заслуживают внимания механизмы создания лисой наваждений, отвечающих сексуальным грезам попавшего под ее воздействие мужчины. Энергия, освобождающаяся во время виртуального сексуального контакта, служит для героини средством продления ее жизни. А Хули говорит, что это “главный витамин, который делает нас обворожительными и вечно юными” [9, 27]. Отметим, что идея

использования энергии, освобождаемой во время близости, была заимствована В. Пелевиным из даосских учений, согласно которым в каждом существе заключена особая субстанция цзин [7, 605]. Эта субстанция при рождении человека, воссоединяясь с внешней энергией космоса, образовывала душу. От содержания субстанции цзин в человеке зависело его здоровье и жизнь. Существовало мнение, что восполнить недостающую энергию можно было “путем полового сношения, но при условии знания особой сексуальной техники” [7, 605]. Показательно также то, что слово “цзин” в даосской мифологии использовалось для обозначения оборотня. Сверхъестественную способность превращаться в человека, по мнению философа Ге Хуана, автора даосского трактата “Бао Пу-цзы”, обретали “лисицы, волки и шакалы, прожившие 500 лет” [цит. по: 7, 605].

Наделяя свою героиню способностью необычным способом получать энергию в человеческом мире, автор указывает на то, что современный индивид, воплощающий достижения человеческой культуры, не способен помочь лисе в ее вечных поисках. Обыватель рассматривается героиней только как источник сексуальной энергии, которую он постоянно расточает. В романе автором приводится очень интересная модель возникновения и функционирования жизненной энергии во вселенной и роли человека в этом процессе. В. Пелевин указывает на то, что сила, участвующая в создании новой жизни, имеет сверхчеловеческую природу. Вступая в любовные отношения, человек становится посредником, каналом и превращается “из закупоренного сосуда в трубу, которая на несколько секунд соединяется с бездонным источником жизненной энергии” [9, 31]. А Хули называет эту схему установленным порядком вещей. Для героини человек – а точнее мужчина – в этой цепи представляет интерес лишь как средство доступа к источнику энергии. Очень показательным в этом отношении является утверждение А Хули о том, что ей не нужны ценности, отвечающие человеческим амбициям, такие как: слава или Нобелевская премия.

Модель перераспределения энергии в момент сексуального контакта В. Пелевину очень точно удалось изобразить при помощи китайского символа единства противоположностей “Инь-Ян”. В “Словаре символов” Дж.Тресиддера указывается, что этот образ “символизирует взаимозависимость противоположных сил и принципов в космосе” [12, 128]. Символ представляет собой единство двух образов, воплощающих полярные начала: мужское (Ян) и женское (Инь). В романе “Священная книга оборотня” излагается авторская интерпретация этого образа. Так, во время первого сеанса наваждения морока на своего клиента сикха в гостинице “Националь” в сознании А Хули возникает визуализация в виде процесса, происходящего с символом “Инь-Ян”: “Затем я представила себя в виде черной половинки этого знака, а сикха – в виде белой. В центре черной половинки зажглась белая точка, а в центре белой – появилась такая же черная. Белая половинка стала темнеть, а черная светлеть, пока они не поменялись местами. Вся энергия ситуации теперь была у меня” [9, 32].

Заслуживает внимания тот факт, что в приведенной в романе модели (мужское начало – женское начало – А Хули) фактически отсутствует женское начало (Инь), которое возникает лишь в сознании сикха, находящегося под действием гипноза

героини. Место недостающего компонента занимает сама А Хули, которая получает освобождающуюся в момент виртуального контакта-противостояния энергию. Несмотря на то, что В. Пелевин практически не останавливается на исследовании роли женщины в указанном процессе, он отмечает, что “слабый пол” обладает такими же способностями создавать в сознании мужчины иллюзорные картины действительности “с элементами кошмара и готики” [9, 92]. Рассуждения на эту тему вложены в уста А Хули, которая восхищенно говорит о женской способности навевать миражи: “Надо же, выдать сделанную из мяса машину для размножения за дивный весенний цветок, достойный драгоценной оправы, – и поддерживать эту иллюзию не минуты, как мы, а годы и десятилетия, и все это без всякого хвостоприкладства” [9, 91]. Разница между лисой-оборотнем и женщиной в том, что последняя может наводить морок только во имя своего личного счастья в браке: “Женщина – мирное существо и морочит только своего собственного самца...” [9, 92]. По мнению А Хули, в такой ситуации обман ради “высшей биологической цели” [9, 92] простителен.

Итак, оборотничество персонажей романа демонстрирует проблемы современной личности, оказавшейся в вакууме бездуховной цивилизации рубежа XX–XXI веков. Избирая героями животных-оборотней, В. Пелевин подчеркивает, что постмодернистский человек многолик. Многообразие ипостасей героев романа свидетельствует о том, что личность утрачивает свое “я” в калейдоскопе собственных отражений, растворяется в пустоте, теряется в историческом процессе. Отсутствие ценностных ориентиров приводит к тому, что человек оказывается не в состоянии разобраться в сущности своей природы. Происходит мутация человеческой личности. Изображая в “Священной книге оборотня” различные проявления личностной деформации, писатель акцентирует внимание на жизненной необходимости для человека таких категорий: Любовь, Свобода, Истина и т.д. Отметим, что создание писателями-постмодернистами в своих текстах ценностной шкалы является важной тенденцией “позднего постмодернизма”.

Литература

1. Балод А. Иронический словарь А Хули [Электронный ресурс] / А. Балод // Виктор Пелевин : сайт творчества. – Режим доступа : <http://pelevin.nov.ru/stati/o-iron/1.html>.
2. Беляева Н. В. Поэтика интертекстуальности в современном русском романе в свете теории романного слова М. Бахтина / Н. В. Беляева // Русская литература. Исследования : [сб. науч. трудов] / [редкол. : А. Ю. Мережинская и др.]. – К. : Издательство “БиТ”, 2008. – Вып. 12. – С. 65–80.
3. Вознесенский А. Дело оборотней в обложках [Электронный ресурс] / А. Вознесенский // НГ Ex libris. – 2004. – № 44. – 18 ноября. – Режим доступа : http://exlibris.ng.ru/subject/2004-11-18/1_pelevin.html.
4. Генис А. Виктор Пелевин : границы и метаморфозы / А. Генис // Знамя. – 1995. – № 12. – С. 210–214.
5. Калещук А. “Священная книга оборотня” В. Пелевина : пародирование концепции романного слова М. Бахтина / А. Калещук // Літературознавчі студії : [зб. наук. Праць]. – К. : ВД Дмитра Бураго, 2005. – Вип. 12. – С. 230–233.
6. Мережинская А. Ю. Модели героев в прозе 2000-х годов о современности / А. Ю. Мережинская // Русская литература. Исследования : [сб. науч. трудов] / [редкол. : А. Ю. Мережинская и др.]. – К. : Логос, 2006. – Вып. 10. – С. 47–61.

7. Мифы народов мира : [в 2-х т.] / [под ред. С. А. Токарева]. – М. : Сов. энциклопедия, 1980. – Т. 2 : К–Я. – 720 с.
8. Пелевин В. “...Несколько раз мне мерещилось, будто я стучу по клавишам лисьими лапами” (Интервью с Н. Кочетковой) [Электронный ресурс] // Известия. – 2004. – № 213. – 16 ноября. – Режим доступа : <http://www.izvestia.ru/person/article694233>.
9. Пелевин В. О. Священная книга оборотня : [роман] / В. Пелевин. – М. : Эксмо, 2004. – 384 с.
10. Семків Р. Постмодернізм та іронія (типологізація нетипового) / Р. Семків // Слово і час. – 2000. – № 6. – С. 6–12.
11. Сурикова И. Магический театр Виктора Пелевина : Видение Черного пса за секунду до пробуждения / И. Сурикова // Слово і текст. – 2005. – № 2. – С. 217–229.
12. Тресиддер Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер ; [пер. с англ. С. Палько]. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 448 с.
13. Штейнер Е. С. “Ветка сливы” Иккю [Электронный ресурс] / Е. С. Штейнер // Сад одного цветка : [сб. статей и эссе]. – Режим доступа : <http://www.arsasiatica.com/books/1118598598187/shteyner.doc>.

Аннотація

В статье исследуется специфика постмодернистского героя романа в романе В. Пелевина “Священная книга оборотня”, в котором развиваются характерные для творчества писателя тенденции. Предпринят анализ персонажей, воплощающих идею поиска духовных ориентиров в ситуации культурного кризиса постсоветской России. В. Пелевина изображает типы “богоискателей”, которые существуют в российской действительности. Для героини А Хули истина – это освобождение от несовершенства бытия в Радужном потоке. Особое внимание в статье уделяется исследованию интекстов (восточная мифология, популярная культура, русский фольклор и т.д.), раскрывающих интертекстуальную природу постмодернистского героя.

Ключевые слова: герой, постмодернизм, синтез, сознание, ритуал, стратегия, мифопоэтика.

Анотація

У статті досліджується специфіка постмодерного героя у романі В. Пелевіна “Священна книга перевертня”, у якому розкриваються властиві творчості письменника тенденції. Виконано аналіз персонажів, які уособлюють ідею пошуку духовних орієнтирів у ситуації духовної кризи пострадянської Росії. В. Пелевін зображує типи “богошукачів”, які функціонують у сучасній дійсності. Для героїні А Хулі істина – це визволення від недосконалої буття у Райдужному потоці. Особлива увага у статті приділяється дослідженню інтекстів (східна міфологія, популярна культура, російський фольклор тощо), які демонструють постмодерну природу героя.

Ключові слова: герой, постмодернізм, синтез, свідомість, ритуал, стратегія, міфопоетика.

Summary

The article contains the analysis of hero model in V. Pelevin’s novel “The Sacred Book of Werwolf”. It also discovers the peculiarities of the way the author uses ceremonial and mythological strategies. The research is also focused on the exploration of peculiarities in transformation of postmodernism artistic paradigm in the latest works of the Russian writer. In order to fulfill the aim of the research, the distinctive features of artistic self-reflection of postmodernism in V. Pelevin’s latest prose have been analyzed, the transformation of postmodernism artistic code in the writer’s works has been traced, and the peculiarities of elements of mass and elite literature synthesis have been discovered.

Keywords: hero, postmodernism, syntheses, consciousness, strategy, ceremonial strategies.